Агасфер из созвездия Лебедя

Станислав Семенович Гагарин

SHOUT
SHARE
IT

- Гагарин Станислав Семенович

Гагарин Станислав Семенович
Агасфер из созвездия Лебедя

Станислав ГАГАРИН

АГАСФЕР ИЗ СОЗВЕЗДИЯ ЛЕБЕДЯ

Научно-фантастический рассказ

Низкие рваные облака неслись над застрявшим во льдах теплоходом. Экипаж и пассажиры, рискнувшие постичь романтику полярного круиза, с нетерпением ждали помощи от ледокола. Но "Ермак", затеявший проводку каравана в проливе Вилькицкого, едва освободился и был сейчас на переходе от входа в Карское море к архипелагу Норденшельда.

Погода была ненастной. Ветер заходил от норд-остовой четверти к весту, и его переменчивость то поджимала к берегу ледовое поле, в которое неосмотрительно вошел "Вацлав Воровский", и это весьма не нравилось капитану, то вновь разряжала лед, и тогда начинались тщетные попытки теплохода самостоятельно вырваться из западни.

Впрочем, серьезному сжатию судно не подвергалось, да и "Ермак" радировал, что на рассвете он подойдет к "Воровскому".

Пассажиры объявили, что пребывание во льду и последующее вызволение с помощью ледокола носит запрограммированный характер. Оно имеет целью наглядно показать, какую опасность представляло сие в "старое доброе время", а теперь это сущий пустяк для современного плавания в Арктике.

Пассажиры приободрились, у всех появился аппетит, вечером были танцы, люди веселились, не подозревая, как ловко успокоил их первый помощник капитана, известный в пароходстве остряк Игорь Чесноков.

К часу ночи народ угомонился, и первый помощник капитана решил обойти судно перед тем как прилечь вздремнуть немного до прихода ледокола.

Он начал обход с носовых помещений, где жила команда, по левому борту вошел в опустевший танцевальный салон, заглянул на камбуз, где бодрствовала ночная смена, готовясь к завтрашнему дню, спустился в машинное отделение, пошутил со вторым механиком по поводу крепости шпангоутов-ребер их "коробки" и, осмотрев корму, двинулся по правому борту, чтобы, пройдя его, закончить обход на мостике, в рулевой рубке.

Когда Чесноков миновал среднюю часть пассажирского коридора, он услыхал за поворотом приглушенный неясный шум. Игорь остановился, прислушался.

- Нет, - сказал сдавленный голос, - нет... Теперь ты не уйдешь...

Затопали ногами, донеслось рычание, чертыхнулись, потом неожиданно донесся смех.

- Ведь я не против, - произнес второй голос, веселый и спокойный. Почему вы так нервничаете?

- Сейчас увидишь... Пошли!

Чесноков шагнул вперед. Не нравились ему эти голоса в поперечном коридоре, очень не нравились... Еще немного, и он увидит тех, кто блуждает среди ночи по судну.

И тут погас свет. Видно, переходили на другой генератор, механик говорил ему об этом.

Первый помощник услыхал беспорядочные шаги, шум борьбы, снова раздался смех, хлопнула дверь каюты, все смолкло, и вспыхнул свет.

Чесноков повернул за угол и никого там не увидел. Он прислушался: затем медленно прошел то коридору поперек судна и вышел на левый борт. У дверей одной из кают он остановился. Игорю Николаевичу показалось, что в каюте разговаривают. Первый помощник взглянул на часы - один час сорок минут. Поздновато для разговоров... Чесноков вздохнул, готовый произнести необходимые извинения, и решительно - из головы не шло предыдущее событие - постучал в дверь.

Голоса стихли.

Чесноков вновь стукнул, тактично и вместе с тем требовательно, настойчиво. Миновала минутная пауза, затем зазвякал ключ, и дверь растворилась.

Каюту открыл высокий и рослый молодой мужчина с короткой шкиперской бородкой, одет он был в грубошерстный свитер и модно полинялые джинсы. Он увидел за дверью первого помощника - на Чеснокове была морская форма - и отступил в глубину каюты, стараясь придать сердитому лицу приветливое выражение.

- Извините, - сказал помполит, - мне показалось, что вы слишком жарко спорите... Разрешите представиться...

- Беглов, - буркнул хозяин каюты, - Владимир Петрович. Геолог и ваш пассажир.

Из кресла поднялся второй человек. Игорь Николаевич узнал его и сдвинул брови.

- Канделаки? - сказал он. - Не ожидал вас встретить... Ведь вам известно, что администрация судна не поощряет внеслужебные отношения команды и пассажиров. Что вы делаете здесь так поздно?

Матрос Феликс Канделаки пришел на теплоход, когда тот

стоял на Диксоне. Отсюда пришлось отправить в Ленинград двух курсантов из мореходки, которые проходили практику и были зачислены в штат, и когда этот самый Канделаки явился к помполиту и сказал, что он возвращается из Тикси, где работал на ледокольных буксирах, и теперь до конца навигации решил поплавать на "Воровском", Чесноков, просмотрев его документы, решил, что есть на земле справедливость.

Работал Феликс уже две недели, и их боцман дважды намекал первому помощнику, что не худо бы этого паренька "железно" закрепить на судне.

- Что вы делаете здесь, Феликс? - спросил Чесноков.

Матрос молча улыбался.

- Это мы... Значит, так, - начал геолог. - Мой рабочий... В партии были вместе.

Он был взволнован, запинался, хватал ртом воздух и являл собой полную противоположность невозмутимому Канделаки.

- Позвольте мне объяснить, Игорь Николаевич, - вмешался он наконец, не переставая доброжелательно улыбаться. - Владимир Петрович - мой бывший начальник. Раньше я работал у него в геологической партии. Сегодня случайно встретились. Он пригласил меня к себе. Вот и сидим разговариваем о житье-бытье...

Игорю показалось, что на красивом смуглом лице Феликса мелькнула некая усмешка, но объяснение было заурядным, и повода оставаться дальше в каюте, да еще в такое позднее время, он не видел.

- Да, конечно, - сказал геолог, - это мой давнишний товарищ... Ведь мы не нарушаем?

- Как будто нет, - ответил Чесноков, глянул на горбоносый профиль вежливо отвернувшегося Феликса, еще раз извинился и вышел из каюты.

Разбудили его в пятом часу. Стучали тихо, но торопливо, беспокойно. Игорь Николаевич решил, что пришел "Ермак", вылез из койки-ящика в трусах, накинул полосатый халат и, запахивая его одной рукой, второй повернул ключ.

За дверью стоял геолог. Вид у него был и вовсе ошалелый.

- Ушел, - просипел голос, - он ушел... Извините...

На нем была финская шапка с длинным козырьком и короткое пальто из замши. Снежинки растаяли и теперь светились, отражая яркий свет люминесцентных ламп на подволоке коридора.

- Кто ушел? - спросил Чесноков.

- Иван, - ответил Беглов, - Дудкин ушел...

- Какой Дудкин?

- Ах да, - он махнул рукой, - вы ведь... Ну, этот, как его... Вася, Феликс... Или еще как? Словом, Амстердам...

"Только этого нам не хватало, - подумал Чесноков и покосился на телефон, вспоминая номер судового врача. - И ведь он не пьян... Это куда как хуже".

- Да вы входите, - сказал он ласковым тоном, где-то читал, что с этой категорией больных надо быть приветливым и добрым, - входите и располагайтесь как дома. О, да вам не помешает рюмка коньяку... Прошу вас!

Угощая гостя и разговаривая его, Игорь Николаевич тем временем подобрался к телефону и уже снял трубку, когда геолог, проглотив коньяк, вдруг твердо и внятно проговорил:

- Этот ваш Феликс - вовсе не Канделаки. Он есть Иван Дудкин, или Вася Амстердам... Одно и то же. Вот.

- Что? - воскликнул первый помощник и швырнул трубку. - Значит, он не тот, за кого...

Беглов кивнул и протянул рюмку.

- Хороший коньяк, - сказал он, когда ошеломленный Игорь Николаевич снова наполнил его рюмку. - Налейте и себе. Пригодится... Кажется, я отхожу.

Он выпил. Помполит повертел свою рюмку в руках и машинально проглотил ее содержимое.

- Сейчас я проводил его до борта, - проговорил геолог. - Он сошел на лед и скрылся в снежном заряде... И снова мне с ним уже не увидеться...

- Не сомневаюсь, - бросил Чесноков и схватил телефонную трубку.

Беглов перехватил его руку.

- Что вы собираетесь делать?

- Исправить содеянное двумя сумасшедшими, - ответил первый помощник, освобождая руку. - Объявляю тревогу "человек за бортом!".

- Постойте, - вскричал геолог, - не делайте этого! Не надо тревоги "человек за бортом!". Феликс Канделаки не Иван Дудкин и не Вася Амстердам. Он не человек!

- Послушайте, - рассердился Игорь Николаевич, - я люблю остроумных товарищей, но в пятом часу утра разыгрывать порядочных людей может лишь отъявленный волосан. Не надо вешать мне на уши лапшу, паренек! Так кто же по-вашему этот Феликс, которому я еще надеру позвоночный столб, ежели он участвует в этой шутке? Кто он, этот обладатель трех таких милых фамилий? Вор-рецидивист?

- Нет, - тихо сказал Владимир Петрович, - Агасфер из созвездия Лебедя.

...Он сам определил себе задачу, пытаясь за день отработать два маршрута, и теперь, добивая второй, сверхплановый, проклинал все на свете: и кадровиков, зажавших полные штаты, и длинный северный день, позволявший ему надрываться сейчас за двоих, и самого себя, свою жадность на работу, неистребимое стремление быть всегда на коне, если даже нет для того реальных возможностей.

Полный рюкзак с каменюками-образцами отвратно рвал онемевшие плечи к земле. Ноги скрипели, сгибаясь в коленях. Геологический молоток превратился в двухпудовую гирю, а правая рука отказывалась повиноваться. Он собирался переложить молоток в левую, но сил на такое движение не сумел приискать и все шел да шел, пока не увидел в сгустившемся, посиневшем окоеме темно-зеленый язык тайги, поднявшийся на обрыв, занятый их палатками.

Вся партия была в сборе. Первыми встретили начальника собаки, две лайки с библейскими кличками. Люди тоже вышли за сотню шагов, но снимать рюкзак со спины тяжело шагавшего Беглова не стали: не положено по таежному этикету. Раз человек на ногах, он эти метры осилит, а у самой житьевины помощь ему оказывать - значит обидеть его.

Когда Беглов умывался, отводя холодной водой притомленность, поливавшая ему коллектор Зося не утерпела, шепнула:

- У нас гость, Владимир Петрович! Какой симпатичный... Будто цыган! Брюнет...

У Зоси все мужчины считались симпатичными, кроме тех, кто состоял в их партии, тут Зося была истинным кремнем, и потому Беглов примечание коллектора пропустил мимо ушей.

Но сообщение о госте его взволновало, в безлюдной тайге новый человек в диковину; и, едва обтершись полотенцем, Владимир Петрович отправился в большую палатку шурфовщиков, откуда доносились веселые возгласы и дружный смех.

Он сунул голову в палатку, смех затих, и Беглов дружелюбно сказал:

- Ну, который здесь гость? Выходи на волю, знакомиться будем.

Потом Беглов вспомнил, что больше всего его поразило чисто выбритое лицо незнакомца. Такую роскошь никто себе в тайге не позволяет. И комфорту никакого, и традиция есть запускать бороду, да и от комарья верное опасение, коль до самых глаз обрастаешь.

А тут вроде как из салона красоты выломился товарищ.

Верно, смуглый оказался парень, только не цыганского, иного типа. А какого - Беглов не определил. Глаза большие, добрые, нос прямой, с горбинкой, темные волосы зачесаны назад, достают едва не до плеч и волнистые. И улыбается приветливо, первым протянул руку Беглову.

- Дудкин я, - сказал пришелец, - а кличут Иваном... Охотник из Окачурихи. Иду с участка. Сено там косил, зимовье ладил, вот к вам и завернул.

Верно, знал Беглов такую деревню, сто пятьдесят верст назад по Бормотую.

- Ну и ладно, - сказал он охотнику, пожимая его сильную руку. Погости, Дудкин Иван, а может, и с нами останешься, рады будем.

Дудкин широко улыбнулся.

- Можно и с вами, - проговорил он и пожал плечами. - До сезона далеко, и в деревне скукота да бабы с ребятишками одне...

- Эка, паря, хватил, - роготнул и блеснул глазами шурфовщик Стрекозов, по прозвищу Долбояк, - нешто с бабами-то скукота бывает?

Иван повел плечами, покосил глазом на Долбояка, смолчал.

- Документы какие есть? - спросил Беглов, не веря удаче, ведь ах как бедствовал он сейчас без людей. - Аль пошутил, охотник?

- А чо шутить? - отозвался Иван, засовывая руку во внутренний карман. - Об работе, чай, не шутят, ее излаживают добром. А вот и бумаги мои.

Беглов посмотрел документы Ивана, нашел их приемлемыми и тут же за ужином у костра написал чернильным карандашом в блокноте приказ о зачислении Ивана Дудкина временным рабочим геологоразведочной партии.

...Первый помощник капитана хмыкнул.

- Выходит, похожи наши истории, - сказал он Беглову. - И ко мне он пришел поработать на время и документы отменные показал... Но при чем здесь созвездие Лебедя?

- Погодите, будет и созвездие, - ответил Владимир Петрович. - Но сначала послушайте про обычного лебедя. Я закурю, можно? Бросил уже с год, а вот сейчас опять потянуло.

- Курите, - сказал Чесноков, - вот сигареты!

Беглов раскурил сигарету и жадно, глубоко затянулся дымом.

- Так вот, - проговорил он, - случилось это через неделю пребывания в партии нового рабочего. Иван Дудкин всем пришелся по душе, может быть, за исключением Долбояка - Стрекозова, которого, впрочем, никто у нас симпатией не жаловал, а тому на это было наплевать! Шурфы он бил исправно, а что до воспитания в нем нравственных начал, то на это не было

у нас времени, да и вышел уже Долбояк из того возраста, когда пристало время сеять доброе в его душе.

Сам Дудкин неприязни к Стрекозову не испытывал, а когда Долбояк задирал его, то либо отшучивался, либо отвечал на выпады шурфовщика обезоруживающей улыбкой.

Работал Иван куда как исправно, понимал все с полуслова, будто не первый сезон вышел с партией в поле. А потом случилось это... Устроили мы банный день, постирушку затеяли кое-какую, словом, вроде выходного дня с бытовыми нуждами. Я вымылся и сидел в своей палатке, разбирая записи в полевых дневниках. Сами знаете, как мягчеет душа после бани, настроение у меня было отменное, работы шли в графике, результаты поисков обещали быть куда уж лучше... И вдруг грянул выстрел. Я разом отбросил все - стрелять попусту в зоне жилья категорически запрещалось, - выскочил наружу. Неподалеку от обрыва, за которым клокотал и булькал обширный Бормотуй, стоял ухмыляющийся Долбояк с двустволкою в руках. А в небе беспомощно кувыркался лебедь. Пытаясь удержаться на перебитом крыле, он звонко кричал, призывая на помощь. Но лебедя неудержимо тянуло вниз, и было видно, что упадет он в воды Бормотуя... Молча смотрели мы на Долбояка, а тот ухмылялся, поводя плечами. "Хорош закусь, - сказал он, мерзко осклабясь и подмигивая мне. - Жаль только, что рыбам на корм пошел..." Тут лицо Стрекозова вдруг исказилось. Он задрожал, свиные глазки его забегали, челюсть отвалилась, и этот звероподобный детина плаксиво произнес: "Мама..."

Я повернулся. От банной палатки на Стрекозова медленно шел Иван Дудкин. Лицо его было бесстрастным, скорее задумчивым, взгляд тем не менее не отрывался от впавшего неожиданно в детство шурфовщика. И вдруг Долбояк оживился, закивал головою, вскинул ружье - я в ужасе закрыл глаза. Раздался металлический звук, но это не было щелканьем курка. Я увидел, как Стрекозов переломил ружье и разрядил его. Затем он закрыл стволы, схватился за них руками, размахнулся и расщепил приклад о камень.

Иван прошел к обрыву, махнул рукой, и шурфовщик упал на колени, склонил голову к земле.

А лебедь тем временем был у самой воды. И тогда Иван разбежался и прыгнул с обрыва...

Геолог перевел дыхание, вздохнул и потянулся за сигаретой. Раскурив ее, он продолжал:

- Не может остаться в живых человек, если он прыгнет с высоты в сто метров, пусть даже и вода окажется под ним... Потом меня мучило даже не это. Я никак не мог забыть, как падал

Дудкин в Бормотуй... Он разбежался и прыгнул. В тот же миг он исчез за обрывом, но тут оцепенение покинуло меня. Я выбежал на край и увидел, как мой новый рабочий медленно, понимаете, медленно опускается к водам Бормотуя.

Вспоминая эту потрясшую меня картину, я объяснил это тем, что в моем мозгу как бы застопорилось время и падение Ивана предстало воображению подобием замедленной киносъемки. А что же мне еще оставалось делать? Рассудок всегда старается объяснить непонятное земными, естественными аналогиями. И если сознанию заведомо известно, что люди не могут парить в воздухе, то сознание скорее усомнится в собственной нормальности, нежели отвергнет такую очевидную, проверенную опытом истину.

Конечно, в те минуты мне было не до абстрактных умствований. Вся партия была взбудоражена случившимся. Кто-то бессмысленно кричал и махал уже плывшему к лебедю Ивану, другие бежали к пологому берегу, куда должен был выгрести Дудкин, коллектор Зоя подбежала к поднявшемуся уже на ноги Стрекозову и отвесила ему звонкую оплеуху, но шурфовщик все так же бессмысленно таращился, испуганно озирался и на пощечину Зои внимания не обратил.

Иван со спасенным лебедем благополучно выплыл на берег, и удивительным было то, что никому и в голову не пришло изумиться, поразмыслить о его фантастическом прыжке.

- А потом он исчез, - сказал Владимир Петрович.

- Лебедь? - спросил Чесноков.

Беглов поморщился.

- При чем здесь лебедь? Пропал Иван Дудкин... Честно признаться, сильно грешил я тогда на Стрекозова, не подстерег ли он парня. Но у Долбояка было "железное алиби", и мы решили: ушел Дудкин в родную деревню, поработал у нас две недели и ушел...

- Две недели, говорите? - спросил помполит. - Забавно... Сегодня ровно столько же с того времени, как Феликс пришел ко мне в каюту на острове Диксон.

- Вася Амстердам проработал в лаборатории Мухачева такое же время, заметил Владимир Петрович. - Видимо, это у него цикл определенный, двухнедельный...

- Это какой еще Мухачев? У меня есть друг в Москве с такой фамилией. Художник...

- Это другой, - сказал Беглов. - Мы учились с ним в горном. А сейчас он заведует лабораторией в одном из московских НИИ, и это уже другая история...

Их было трое. Девочка, мяч и собака.

Всем троим было весело, они от души забавлялись игрой, которую придумала девочка. Она громко смеялась и хлопала в ладоши, мяч самоотверженно ударялся о землю, чтобы взмыть в выцветшее от солнца июльское небо, а пес дурашливо лаял, он был еще очень молод, но уже понимал, что звонким голосом своим радует доброе сердце маленькой хозяйки.

Именно по молодости лет пес утратил собачью осторожность, и, когда мяч неудачно приложился к земле и выкатился на мостовую, Шарик, самозабвенно лая, бросился следом.

Девочка бежала за ним. Так они и оказались все трое под колесами бешено мчавшейся кареты "скорой помощи".

- Нет, - сказал Беглов, взглянув в напряженное лицо Чеснокова, несчастья не случилось... Произошло нечто новое, неожиданное, не поддающееся объяснению. Мы с Мухачевым только что вышли из его института и шли по этой улице к станции метро. На этот раз у меня был свидетель... Мы увидели, как с противоположной стороны выбежала за мячом собака, потом девочка, как сбились они вместе, замерли, беспомощные, перед радиатором ринувшейся на них "Волги". Я хотел зажмурить глаза, чтоб не видеть того страшного, что должно было сейчас произойти, и тут передо мной мелькнуло лицо Ивана Дудкина. Потом все исчезло... И машина, и эта обреченная троица на мостовой. Иван Дудкин, одетый в модный джинсовый костюм, стоял на обочине мостовой. Я оцепенело смотрел на него... Вдруг между нами с громким воем промчалась "скорая помощь". Едва она скрылась, на мостовую выкатился мяч, его догнала на середине собака и обхватила лапами, задержала. Затем появилась девочка, подхватила с асфальта мяч, другой рукой схватила собаку за ошейник, и все трое отправились в сквер.

Иван Дудкин перешел на тротуар. Он заметил, что я смотрю на него, поднял руку в приветственном жесте, улыбнулся и быстро зашагал прочь.

Теперь я вспомнил, что рядом стоял Володя Мухачев, и повернулся к нему. У Володи были вытаращены глаза, отвисла челюсть. Он все видел.

- Иван Дудкин, - выговорил я наконец. - Откуда он здесь взялся?

- Какой Иван? - отозвался мой друг. - Это наш новый лаборант. Амстердам его фамилия, Вася...

Я рассказал Мухачеву о своей таежной встрече с этим Амстердамом, об истории с лебедем, и Володя поверил: ведь он только что видел содеянное его лаборантом. Мы вернулись в институт, где Мухачев разузнал адрес Дудкина-Амстердама, он жил в дачном поселке Ильинка, примчались туда на такси, но

хозяйка дачи сказала, что жилец еще утром съехал с вещами. Так во второй раз оборвался след этого удивительного человека...

- Человека? - переспросил Игорь Николаевич. - Но ведь вы только что утверждали, будто он из созвездия Лебедя.

- Ну и что же? Ведь все его поведение было в высшей степени человеческим...

- Как же вы объясняете происшествие с девочкой?

Геолог пожал плечами.

- Мы так и эдак прикидывали с Мухачевым... Тут два объяснения. Или мы стали жертвой наведенной галлюцинации, массового гипноза, и сцена неотвратимо надвигавшейся катастрофы была внушена нам тем же Дудкиным-Амстердамом, либо...

- Не продолжайте, - сказал Чесноков, - дайте мне объяснить самому. Ведь я люблю фантастику... Поклонник Ефремова и Клиффорда Саймака. Тут, видимо, имело место быть временное смещение. Этот ваш маг и волшебник открутил время назад и поменял в новом его течении события местами. Вначале пропустил "скорую помощь", а затем позволил этой троице оказаться на мостовой. Разве я не прав?

- Примерно так себе представляли случившееся и мы. Правда, сегодня ночью я попытался выяснить причину этих фокусов у автора их, но мне он так ничего толком не объяснил. Сослался на то, что не имеет права знакомить меня с достижениями их цивилизации. Я так понял, что мы еще не созрели духовно для постижения таких истин.

- Недостойны, значит? - спросил Игорь Николаевич.

- Неподготовлены - так будет точнее, - ответил Беглов. - Кое-что из нашего разговора я сумел записать на пленку...

Он вынул из кармана небольшой магнитофон.

- Вот... Это все, что осталось от нашей последней встречи.

- Как вы узнали его здесь, на судне? Ведь ко мне он пришел как Феликс Канделаки...

- Тут он опять отличился, у вас на "Воровском"... Правда, никто, кроме меня, этого не заметил. Вам, наверно, известно, что при погрузке в порту Диксон лопнул грузовой шкентель и целый строп ящиков с консервами упал на пирс?

- Да, я хорошо знаю этот случай... Капитан поручил мне расследование ЧП.

- А мне довелось самому видеть происшедшее... Я наблюдал погрузку с борта судна. Когда лопнул шкентель, строп висел над пирсом. Второй лебедчик не успел выбрать слабину, чтоб завалить строп на палубу, и груз, как говорится, камнем пошел вниз. А на пирсе прямо под стропом застрял электрокар. У него

скис двигатель, и водитель тщетно рвал контроллер, пытаясь дать электрокару ход.

Ящики летели водителю на голову. И в последнее мгновение электрокар рвануло в сторону, с грохотом рассыпался на пирсе строп, все кругом кричали и размахивали руками, а водитель медленно слезал с кресла, бледный и растрепанный, вытирая со лба пот рукавом.

Двигатель у электрокара так и не сработал, и его на буксире утащили прочь... А потом я заметил в толпе грузчиков и матросов с "Воровского" Ивана Дудкина... Или Феликса Канделаки, как вам больше нравится.

- Телекинез, - сказал Чесноков. - На этот раз он применил способ производства механической работы с помощью мысленной энергии: мгновенно на расстоянии передвинул электрокар с водителем, усилием воли или чем там еще, науке про это пока неизвестно... А вы везучий. Трижды встретиться с подобным феноменом...

- Это даже он заметил. Вот послушайте.

Беглов включил магнитофон, и первый помощник капитана услыхал знакомый голос:

"...Повезло. Вероятность наших встреч выражается единицей, умноженной на десятку минут в двенадцатой степени. Вы заслужили мою откровенность и этим, и хотя бы тем, что так доверчиво отнеслись ко мне при встрече в тайге. Хотите услышать мою историю?

- Разумеется. Но как мне называть вас? Ведь вы не Дудкин и не Вася Амстердам.

- Конечно. Это все временные псевдонимы. Когда-то люди называли меня Агасфером, но я вовсе не тот лавочник, который не позволил присесть отдохнуть у своего дома несчастному, идущему на казнь..."

- Агасфер? - услышал Чесноков изумленный голос геолога.

- Да, - отвечал Феликс Канделаки, или кто он там был на самом деле. Я Агасфер. Только пришел сюда из созвездия Лебедя... История моя проста, если не сказать банальна. Зовите меня Фарст Кибел. Это несколько соответствует произношению моего настоящего имени.

- Значит, вы вовсе не человек? - спросил Беглов.

Фарст Кибел рассмеялся.

- Знаете, за эти годы я как-то свыкся с тем, что окружающие считают меня человеком... Судите сами, кто я. Конечно, в своей среде я выгляжу совсем иначе. Но ведь нас с вами роднит духовность, не так ли? Вот это родство душ, так сказать, и обрекло меня на вечные скитания по вашей планете. Скитания и

одиночество... К нему приговорили меня товарищи, поскольку я нарушил Космический Устав.

- Что же вы совершили такого, Фарст Кибел? Мне довелось встречаться с вами трижды, и всегда вы творили добро. Не могу поверить, что вы способны на безнравственный поступок.

Чесноков будто увидел сейчас, как улыбнулся при этих словах пришелец.

- До определенной степени мы умеем управлять временем, но в целом грядущее скрыто и для нас. Творя добро в сиюминутное мгновение, мы, не желая того, можем нанести жестокий удар будущему. Спасая мальчика, провалившегося под лед, мы, быть может, оставляем миру страшного и жестокого тирана, он станет им, когда вырастет... Потому нам строго-настрого заказано вмешиваться в события, происходящие на других планетах.

- По-моему, вы только и делаете, что вмешиваетесь, - проворчал геолог. - Так ведь?

- Совершенно верно, - согласился Фарст Кибел. - Теперь мне уже ничто не грозит. Я исключен из отряда космонавтов.

- И все-таки... За что же вас?

- Давным-давно, когда наша экспедиция обследовала побережье Средиземного моря, я подружился с одним молодым человеком. Разумеется, он не знал, кто я на самом деле, и пытался увлечь меня учением, которое распространял, бродя по стране с горсткой своих приверженцев-учеников. Мне нравились его одержимость и редкая в те времена бескорыстность. Этот человек был поистине не от мира сего. Только родиться ему следовало позднее. Да... Но так или иначе, власти предержащие довольно скоро поняли ту опасность, которая содержалась в его проповедях. Его схватили и приговорили к смертной казни. А я так привязался к нему, что забыл о долге разведчика, который ни при каких обстоятельствах не должен поддаваться чувствам. Другими словами, я решил спасти его. А чтобы не нарушить естественный ход событий, заменил его собой. Ведь казнь обязательно должна была совершиться.

- Вы дали себя казнить? - спросил Беглов.

- Не себя... Я принял облик того человека, вот физическое обличье и казнили. Потом вернулся на свой корабль, где был сурово осужден товарищами за вмешательство в земные дела. Впоследствии я понял, что серьезно изменил ход человеческой истории. Конечно, трудно предугадать, что было бы, не подружись я с тем человеком и не прими на себя его муки. Но у меня есть все основания полагать, что, спасая одного, я обрек на мучительную смерть многие тысячи. Так и случилось в будущем.

- Но вы не могли заранее знать об этом!

- Не мог... Но все космонавты-разведчики знают, что вмешательство в развитие иного разума, давление на него извне всегда безнравственны. И товарищи справедливо приговорили меня к тому, чтобы, оставшись на Земле в одиночестве, я собственными глазами увидел, что натворил, поддавшись однажды обаянию духовной общности.

- И надолго вы?..

- Трижды приходил срок, но за мной так и не прилетели. И вот я брожу по планете, накапливаю знания о человечестве и его природе. Мне нельзя задерживаться надолго на одном месте... Тогда возникает привязанность, вдруг исчезает чувство одиночества. Я вспоминаю, что приговорен к нему, не могу нарушить условия предпосланного мне наказания, и тогда заставляю себя идти дальше.

- Идти дальше... Но ведь нет никого, кто бы мог проследить за соблюдением этого жестокого приговора?! - вскричал геолог.

- А я сам? - услыхал Игорь Николаевич голос Фарста Кибела, и помполит будто увидел, как грустно улыбнулся он.

Наступило молчание. Крутилась невидимая в кассете магнитофонная лента. Молчали и Чесноков со своим ночным гостем. И вдруг голос Фарста Кибела произнес:

- Мне пора. Днем я получил сигнал. Кажется, срок мой кончился, и за мной прилетели. Пойду.

- Мне... Можно мне пойти с вами?

- Хотите проводить меня?

- Да... Если не возражаете.

- Хорошо. Только до палубы.

- Мы поднялись с ним наверх, - сказал Беглов, выключив магнитофон. На палубе была ночь. Фарст Кибел пожал мне руку. Потом, не мешкая, через фальшборт спрыгнул на лед. Во тьме смутно угадывалась его фигура.

- Прощайте, я ушел, - донесся снизу его негромкий голос. - Меня ждут. И помните: надо верить первому движению души. Оно всегда бывает благородным.

- До свидания, - ответил я невпопад и услыхал в ответ тихий смех.

Беглов умолк. Погладил ручку магнитофона.

- Что же дальше? - спросил первый помощник.

- Вот и все... Фарст Кибел ушел. Он двинулся в направлении Северного полюса.

- Что скажете? - спросил геолог.

Чесноков снял телефонную трубку.

- Мостик? - спросил он. - Четвертый штурман на месте? Пришлите его ко мне.

- Что вы хотите предпринять? - осведомился Беглов.

Когда молоденький паренек, постучав, вошел в каюту первого помощника, Игорь Николаевич попросил его принести судовую роль и документы матроса Феликса Канделаки.

Вернувшийся через несколько минут штурман был растерян.

- Вот судовая роль, - сказал он. - Но тут нет никакого Канделаки. И документов таких я не помню, у меня нет их попросту. И не было. Может быть, он из пассажиров?

Геолог и Чесноков переглянулись.

- Ну ладно, хорошо, - сказал помполит. - Идите. А судовую роль мне оставьте.

Едва штурман вышел, оба они склонились над списком экипажа.

- Вот здесь он был, - проговорил Игорь Николаевич и ткнул пальцем. Калугин Сергей Леонидович, потом шел Канделаки, затем, после него, Лучковский Евгений... Вот эти-то есть... А где Канделаки? Калугин - и сразу за ним Лучковский... Куда же исчез Канделаки?

Беглов улыбнулся.

- Ему удавались шутки и посложнее этой... Постойте!

Он метнулся к магнитофону и включил его. Они ждали минуту, другую, третью... Аппарат не воспроизводил никаких звуков.

- Если бы я сам не принимал от него документов, то подумал бы, что вы меня разыграли, - медленно и тихо произнес помполит. - Попробуем еще...

Он позвонил и вызвал к себе боцмана.

- Что вы скажете, боцман, об этом новом матросе? - спросил Чесноков. - Об этом Феликсе Канделаки...

Боцман недоуменно смотрел на первого помощника капитана.

- Простите, Игорь Николаевич... Вы кого имеете в виду?

- Кого, кого... Ну, конечно же, новичка. Того самого... Мы взяли его в Диксоне. Вы, боцман, еще недавно говорили мне, добрый, дескать, паренек. Оставить бы его на "Воровском" насовсем...

Обалдение боцмана было таким неподдельным, что Чеснокову стало неловко. Боцман смотрел-смотрел на первого помощника, и вдруг виновато улыбнулся. Он решил, что где-то и в чем-то проштрафился, и помполит придумал суперхитрую методу для разноса.

Чеснокову стало жалко судового "дракона". Он махнул рукой. Идите, мол...

Когда боцман вышел, Беглов и Игорь Николаевич воззрились

друг на друга, потом расхохотались.

- Знатно он нас разыграл, - сказал геолог.

- Да, нашему судну выпала честь быть местом деятельности этого инопланетянина... Везет же пароходу! Писатели на нем плавали, кинорежиссеры и артисты. Теперь вот товарищ с Лебедя закончил на нем срок.

- Небось он уже в объятиях своих друзей, - заметил Беглов. - Если только у них принято обниматься... Шутка ли: без малого две тысячи лет скитался.

Внезапно донесся извне отдаленный рев. Смягченный расстоянием, грохот казался знакомым. Помощник и геолог переглянулись.

- Может быть, это они? - прошептал Владимир Петрович.

- Кто "они"? - недоуменно спросил его помполит.

Геолог растерянно глянул на Игоря Николаевича.

"Что я делаю здесь, в этой каюте? Да еще в такую рань", - подумал он, мельком взглянув на часы.

Первый помощник капитана силился припомнить, по какому такому поводу пригласил он к себе этого человека. Тут он заметил листки судовой роли, лежащие на столе, и решил, что, видимо, произошла путаница при оформлении документов. Чесноков собрал бумаги, поднял глаза на гостя и увидел, что, тот уже стоит, прижимая к груди магнитофон.

- Значит, мы с вами обо всем договорились, - с бодрым наигрышем в голосе проговорил помполит, мучительно пытаясь вспомнить, зачем пришел в его каюту этот человек.

- Да-да, конечно, - пробормотал геолог, пятясь к двери, - с вами уже... Того... Договорились.

"О чем?! Ну о чем мы договаривались с ним?" - лихорадочно думал он.

Вновь раздавшийся рев заставил их вздрогнуть. Теперь он слышался ближе.

За дверью вдруг затопали, раздался торопливый стук, и, не дожидаясь разрешения, в каюту вломился четвертый штурман.

- Игорь Николаевич! - закричал он с порога. - Капитан просит на мостик... "Ермак" на подходе!